

И.В. Жирун

**ФОРМИРОВАНИЕ УКРАИНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ:
ГРАЖДАНСКАЯ, ЭТНИЧЕСКАЯ ИЛИ ПОСТКОЛОНИАЛЬНАЯ?**

Аннотация: В данной работе приводится обзор исследований по проблемам формирования украинской национальной идентичности, опубликованных в англоязычных зарубежных журналах. Приведенные в обзоре статьи можно разделить на три группы, согласно их теоретическим подходам: 1) определяющие дихотомию гражданской/этнической идентичности; 2) анализирующие множественность нарративов идентичности; 3) рассматривающие украинскую национальную идентичность как постколониальную. Также приводятся работы, в которых предлагаются альтернативные методологические подходы к исследованию украинской национальной идентичности. К ним относятся как подход «банального национализма», так и исследования, использующие различные социологические подходы. Исследователи уделяют внимание изучению этнических, языковых и региональных расколов. Результаты исследований показывают, что языковая политика и образование занимают центральную роль в социализации национальной идентичности Украины. В последние годы к украинской идентичности и обществу все чаще применяются понятия «гибридность» и «постколониальность». В будущих исследованиях необходимо затронуть вопрос о роли языка в формировании социальных связей, влияния этнических меньшинств на конструирование национальной идентичности, а также о других факторах, влияющих на идентичность, например экономических. Понятия «гибридность» и «постколониальная идентичность» требуют концептуализации и анализа применительно к украинскому кейсу. Трансформация украинского общества после 2014 г. открывает возможности для исследований в рамках «банального национализма». В связи с этим важно более активно привлекать украиноязычную научную литературу.

Ключевые слова: национальная идентичность; языковая политика; историческая политика; гибридная идентичность; «другой»; постколониализм; Украина.

Жирун Ирина Васильевна – аспирант Департамента политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Россия, Москва.
E-mail: iryna.zhyrun@gmail.com
Web of Science Researcher ID: G-1700–2018

Zhyrun I.V. Formation of the Ukrainian Identity: Civic, Ethnic or Post-Colonial?

***Abstract:** This paper provides an overview of articles published in foreign journals in the English language that research the construction of Ukrainian national identity. The articles included in the review belong to three groups, according to their theoretical approaches 1) those oriented towards the definition of civic / ethnic dichotomy, 2) those analysing multiple narratives of identity 3) those analysing Ukrainian national identity as post-colonial. Additionally, I analyse examples of works that offer alternative methodological approaches to research Ukrainian national identity. These include the «banal nationalism» approach and a number of sociological approaches. The researchers of Ukrainian identity focus mainly on the study of the ethnic, linguistic, and regional cleavages. Some findings demonstrate how language politics and education play a central role in the socialisation of national identity in Ukraine. In recent years, the concepts of «hybridity» and «post-colonialism» have been increasingly applied to the Ukrainian identity and society. In future research, more attention should be paid to the role of language in forming social links, the role of ethnic minorities in national identity construction, and other factors that influence national identity, for instance, economic ones. The terms or «hybridity» and «post-colonialism» require further conceptualisation and analysis within the Ukrainian case. The transformation of the Ukrainian society after 2014 opens new possibilities for research within the framework of «banal nationalism». In this regard, there should be more engagement with scientific literature published in Ukrainian.*

***Keywords:** national identity; language policy; history politics; hybrid identity; other; post-colonialism; Ukraine.*

**Zhyrun Iryna Vasilievna – PhD candidate at the School of Politics and Governance, National Research University – «Higher School of Economics». Russia, Moscow.
E-mail: iryna.zhyrun@gmail.com
Web of Science Researcher ID: G-1700–2018**

История независимых постсоветских государств насчитывает почти 30 лет. За это время создана обширная литература в области исследований национальной идентичности, объясняющая развитие обществ, отталкиваясь от разных теоретических позиций: национализма, нарративов и постколониального формирования общества. Случай украинской национальной идентичности, в котором совпали этнические, лингвистические, исторические и региональные различия, привлекает внимание исследователей своей сложностью. За время независимости Украины накопилась значительная по объему исследовательская литература, посвященная проблеме конструирования постсоветской национальной идентичности. Существует необходимость сис-

тематизации подходов, анализа основных проблем в интерпретации результатов исследований и определения будущих направлений.

Данный обзор основывается на анализе вариативности теоретической базы, на которую опираются исследования украинской идентичности, опубликованные в зарубежных англоязычных журналах. В первую очередь определение и операционализация понятия «идентичность», а не методы исследования, объясняют разнообразие подходов и интерпретацию результатов эмпирических и теоретических исследований. Включенные в обзор работы принадлежат разным областям междисциплинарного поля, в которых национальная идентичность Украины является одной из центральных тем. К ним относятся не только исследования национальной идентичности элит и масс, но и исследования политики идентичности в области преподавания истории и языковой политики.

Дихотомия гражданской и этнической идентичности

Доминирующим подходом для исследования динамики национальной идентичности Украины является дихотомия гражданской и этнической идентичности. Часто исследователи используют определение идентичности, сформулированное одним (или несколькими) теоретиком национализма, опираясь на работы таких авторов, как А. Смит, Р. Брубейкер, Б. Андерсон и многие другие. Авторы предлагают разнообразные классификации типов национализма и причин его развития, но центральное место в них занимает дихотомия гражданской и этнической идентичности, предложенная Гансом Коном в работе «Идея национализма» [Kohn, 1944]. Дихотомия различает два типа национализма: гражданский и этнический. Тип гражданского национализма нацелен на демократические процессы, которые легитимируют создание государства и содержат нарратив о превращении угнетаемых обитателей в граждан. Этот тип национализма свойственен государствам Западной Европы. В свою очередь этнический тип национализма фокусируется на культурном / этническом измерении и типичен для государств Восточной Европы [Larsen, 2017, p. 2].

Несмотря на критику повышенного внимания к данной дихотомии и ее упрощенное понимание [Kuzio, 2002 a], именно разделение на гражданский / этнический типы национализма выступает референтным значением в исследованиях украинской национальной идентичности. Исследователи определяют факторы, которые влияют на идентичность и категории, по которым можно измерить сдвиг в сторону гражданской или этнической идентичности. В этой группе исследований чаще всего используются статистические методы, опросы и идентификация корреляции между зависимыми и независимыми переменными [Barrington, Herron 2004; Shulman 2005; Pohorila 2016; Haran,

Yakovlyev, Zolkina 2019; Bureiko, Moga 2019]. Однако встречается и использование качественных методов – анализ кейсов и документов [Koshmanova 2006], этнографические методы [Peacock 2015; Korostelina 2013 d; Friedman 2016], качественные [Popson 2001; Janmaat 2007] и смешанные [Kulyk 2016].

Основной вопрос формирования и изменения украинской идентичности рассматривается через призму взаимодействия (или присутствия) компонентов гражданской или этнической идентичности. Авторы предлагают различные типы классификаций и категоризации. Категории включают язык, этническую принадлежность и исследуют региональные (или другие) отличия.

Роль этнического и регионального фактора в национальной идентичности Украины

Региональные различия Украины проявились с первых выборов президента в 1991 г., когда выявился «раскол» между политическими предпочтениями регионов: западный регион поддерживал более националистично настроенных кандидатов. Чтобы объяснить этот феномен, исследователи пытаются установить роль этничности, регионализма и их влияния на внутреннюю и внешнюю политику.

Пири [Pirie 1996] разработал четыре типа этнической самоидентификации, вместо предложенных ранее трех (этнических русских, этнических украинцев и русскоговорящих украинцев) этнических групп. Автор предположил, что возможна разная степень идентификации с этнической группой: 1) сильная идентификация с одной этнической группой, 2) сильная идентификация с двумя группами одновременно (би-культурная), 3) маргинальная идентификация с одной из групп и 4) панславянская идентификация, включающая в себя идентификацию с несколькими этническими группами. Однако исследование не объясняет при каких обстоятельствах возможно изменение самоидентификации. Согласно автору [Pirie 1996], один из важных факторов, влияющих на национальные выборы – это плотность населения восточных областей, население которой предопределяет их исход. Электоральная система Украины неоднократно менялась с 1996 г., а перепись населения проводилась в 2001 г. Поэтому из-за отсутствия новейшей официальной статистики в данных обстоятельствах, фактор плотности населения трудно включить в современные исследования украинской национальной идентичности.

Шульман [Shulman 2005] предложил классификацию этнического состава украинского населения, в которой выделил две основные группы: этнические украинцы и восточные славяне. Но автор отрицает приверженность строго гражданско-этнической дихотомии предлагая «альтернативные идентичности». Две основные этнические группы обладают набором характеристик и отличий по языку, отношению к «другим» – России и Европе, и разли-

чаются предпочтениями направлений во внешней политике. Национальная идентичность определена как «понятия граждан о факторах, которые должны объединять население в национальное государство и отличать сообщество от других» [Shulman 2005, p. 59]. Автор предполагает наличие коллективных ценностей у каждой из этнических групп. Например, этнические русские предпочитают авторитарный режим, а этнические украинцы – более склонны поддерживать демократический. Таким образом, этническая идентичность рассматривается как механизм политических и экономических изменений в обществе. Шульман заключает, что распространение этнической украинской идентичности будет способствовать демократизации общества.

Взаимосвязь между региональными расколами и этнической группой является одной из проблем, которые пытаются решить исследователи путем определения регионов, их этнического состава и политических предпочтений. В исследованиях идентичности Украины существует проблема определения «региона». Как показывают Баррингтон и Эррон [Barrington, Herron 2004], критерии по определению регионов могут значительно повлиять на интерпретацию результатов исследования. Баррингтон и Эррон [Barrington, Herron 2004] выделяют восемь регионов, согласно их историческим, экономическим и демографическим параметрам. Шульман [Shulman 2005], а также Фединек и Чернышко [Fedines, Csernicisko 2017] выделяют пять регионов (запад, центр, юго-восток, Киев и Крым), различающиеся по языковым и этническим идентичностям. Раскол между западом и востоком часто отмечается исследователями [Barrington, Herron 2004; Zhurzhenko 2014; Pohorila, 2016]. Независимо от того, по каким критериям будут сформированы регионы, всегда есть большая разница между западным регионом и остальными [Barrington and Herron, 2004]. Журженко рассматривает «конфликт» идентичностей между западными и восточными регионами [Zhurzhenko, 2014]. Исследуется не только межэтническое восприятие друг друга, но и возможность возникновения межэтнического конфликта [Barrington, Herron 2004].

Погорила [Pohorila 2016] выделяет центр страны, как обладающий своей собственной отличной идентичностью, которая не подходит под определение «этнической», или «гражданской», а подвержена сдвигам. Эта идентичность связана с политическими предпочтениями и влиянием исторических факторов. Процесс модернизации оказывает неравномерное влияние на разные группы населения, что объясняет различия в политических предпочтениях. Городское население обладает более выраженной гражданской идентичностью, а сельское – более этнической. Важную роль в мобилизации электората центра играет внешнеполитический фактор. В этом случае центр склонен голосовать, как западный регион. Сельские жители мобилизуются в случаях, когда национальная безопасность находится под угрозой. Однако есть и смешанные идентичности, на которые влияет цивилизационный раскол.

Таким образом, исследования, рассматривающие фактор регионализма Украины, пытаются установить связи между этническим составом регионов, историческим контекстом их формирования и разрабатывают разнообразные классификации типов идентичностей регионов, этнических и языковых групп.

Язык и национальная идентичность

Влияние языкового разнообразия Украины на идентичность и связь языковой политики с изменением идентичности – это один из важных исследовательских вопросов. Не прекращаются споры о роли, которую играет украинский язык в формировании современной национальной идентичности. Является ли язык основным источником разногласий между регионами и причиной межэтнического конфликта на востоке Украины [Kulyk 2016; Fedinets, Csernicsko 2017] или роль его незначительна, так как он не является основным маркером идентичности и нации [Pirie 1996; Kuzio 1996; Charnysh 2013; Bureiko, Moga 2019]?

Рассматривая язык, как фактор формирования национальной идентичности и изменения этнической / гражданской идентичности, исследователи приходят к противоположным выводам. Язык может влиять на самоидентификацию, но не играет центральной роли в национальной идентичности [Pirie 1996]. Чарныш считает, что языковые расколы смягчаются на местах, а языковая политика – это предмет манипулирования элит и часть идеологии [Charnysh 2013]. Этот вывод подтверждается результатами исследования Буреико и Мого [Bureiko, Moga 2019]. Кулык [Kulyk 2016], наоборот, подчеркивает возросшее значение украинского языка в формировании украинской идентичности после Евромайдана.

Исследователи выделяют отличные от этнической и региональной принадлежности факторы, которые могут повлиять на отношение к языку и изменить его роль в современной Украине. Русский язык служит языком международного общения [Charnysh 2013]. Хотя в постсоветском обществе трудно дать определение «класса», наблюдается разное отношение к использованию русского и украинского языков между рабочей молодежью и средним классом [Charnysh 2013; Peacock 2015]. Также с течением времени смена поколений является важным фактором в использовании и восприятии языка, который выступает как важный маркер национальной идентичности [Charnysh 2013; Peacock 2015].

Одной из сложностей в определении роли языка в национальной идентичности является то, что исследователи используют опросы, которые предлагают самоопределение «родного языка». Часто самоидентификация «родного языка» не совпадает с языком, который ежедневно использует человек [Bureiko, Moga 2019]. Сравнение изменений по отношению к украинскому

языку затруднено, так как нет данных по Крыму и Донбассу после 2014 г. из-за отсутствия доступа к территории [Bureiko, Moga 2019]. Результаты показывают, что роль украинского языка не является основной для национальной идентичности и, следовательно, идентичность является гражданской, а не этнической. Тем не менее вопросы и ответы опроса содержат только позитивные по отношению к Украине и украинскому государству категории. Подобные исследования можно дополнить открытыми вопросами, чтобы узнать, что понимается под украинской идентичностью не только в позитивном ключе, но и в нейтральном или негативном. Понятие «родной язык» имеет разные интерпретации, которые могут не соответствовать научному определению этого понятия. Также признание определенного языка родным может иметь политическую коннотацию, особенно в условиях конфликта, что осложняет интерпретацию данных для исследователя.

Роль образования в формировании национальной идентичности

Одним из факторов, который может повлиять на самоидентификацию с этнической группой и формирование национальной идентичности, является образование. Исследователи рассматривают идентичность как результат, получаемый в процессе социализации в школе, а систему образования как инструмент политики идентичности. Для исследования этого процесса, используется ряд стратегий: изучение конструирования национальной идентичности в учебниках и в образовательном процессе [Popson 2001; Janmaat 2007; Fillipova 2009; Rodgers 2008], микроанализ общения в школе и роль учителей в конструировании идентичности [Koshmanova 2006; Korostelina 2013 d; Friedman 2016].

Учебники являются инструментом образования, формирования ценностей и норм. Национальная идентичность конструируется в учебниках с помощью саморепрезентации украинской нации и репрезентации «другого». Книги – это агенты социализации, которые отражают доминирующие ценности и символы эпохи [Fillipova 2009]. Анализ может быть основан на материале одного учебника [Popson 2001], сравнительного анализа поколений учебников, а также разницы в описании позитивных и негативных периодов истории [Janmaat 2007] и ценностей [Fillipova 2009], которые они воспроизводят.

Исследователи отмечают, что украинская идентичность, конструируемая в учебниках, является этнической [Popson 2001; Rodgers 2008]. Этноцентричные ценности, которые прививаются мультикультурному населению, а также культурная ассимиляция в процессе социализации в школе могут привести к росту этнической ксенофобии [Koshmanova 2006]. Негативные репрезентации «других» в учебниках приводят к созданию национального нарратива виктимизации

и стереотипов о «других» [Janmaat 2007; Korostelina 2010; Korostelina 2013 d]. Продвижение этнической, а не гражданской, идентичности в образовании может негативно отразиться на отношении к истории русскоязычного населения Украины [Rogers 2008]. Кроме процесса социализации национальной идентичности, необходимо исследовать влияние этого процесса и степень интериоризации национальной идентичности учениками [Popson 2001; Koshmanova 2006].

К проблеме восприятия учеников обращается Фридман [Friedman 2016]. Автор иллюстрирует, каким образом учителя воспроизводят доминирующие дискурсы о языке и нации, которые должны создать «воображаемое» украинское общество. Результаты показывают, что ученики легко вовлекаются в это воображаемое общество и воспроизводят идеологию языка. Тем не менее они воспринимают себя как периферийных членов или создают альтернативное мультиязычное украинское сообщество.

Исследование национальной идентичности как нарратива позволяет отойти от гражданской и этнической дихотомии. Нарративы имеют двойственную структуру – определяют «нас» и «их», выполняя функцию создания значения национальной идентичности. Учителя выступают агентами конструирования нарративов идентичности. Коростелина [Korostelina 2013 d] выделила три типа нарратива среди учителей истории: этнический украинский, этнический русский и мультикультурный. Следует заметить, что нарративы не только имеют четкую структуру, но и являются взаимоисключающими.

Образование в области истории стало инструментом для создания и усиления межгрупповой границы, которая помогла определить новую украинскую идентичность [Korostelina 2010]. Коростелина выделяет три формы национальной идентичности в учебниках истории: *культурную* (cultural), *отраженную* (reflected) и *мобилизованную* (mobilized). Культурная форма идентичности основана на характеристиках быта группы, хпј включает в себя национальную кухню, музыку, песни, традиции, праздники, ценности, верования, нормы и проч. Отраженная форма идентичности ассоциируется с глубоким пониманием истории и отношений между «своей» и «чужой» группой. Мобилизованная форма идентичности основывается на понимании «своей» идентичности в рамках межгрупповых отношений, подчеркивает межгрупповое сравнение позиций, власти и статуса. Таким образом, эта форма идентичности может привести к конфликтам, так как создает конкуренцию и противоречия между группами. В украинском образовании стала использоваться мобилизованная форма идентичности. Исторические нарративы в учебниках не могут начать сам конфликт, но могут послужить мощными инструментами для социальной мобилизации в его возникновении [Korostelina 2010].

Национальная идентичность воспроизводится в учебных материалах, однако государство не обладает монополией на ее интерпретацию. Учителя и ученики способны создавать альтернативные проекты идентичности.

Понятие гибридной идентичности

Украинские исследования все чаще используют понятие «гибридность» для описания украинского общества: гибридная идентичность [Giuliano 2018], гибридное общество и политическая система [Cleary 2016], гибридная память [Nosaka 2019]. Однако «гибридность» имеет разные значения в данных работах. В работе Джулиано [Giuliano 2018] под гибридностью имеется в виду идентичность респондентов, которые ассоциируют себя одновременно с двумя этническими группами – русской и украинской. Хосака [Nosaka 2019] включает в понятие «гибридность» чувство ностальгии по Советскому Союзу, существующее одновременно с поддержкой независимости Украины.

Понятие гибридной идентичности более подробно разработано в исследовании Хансен и Хесли [Hansen, Hesli 2009]. Их работа предлагает отход от модели гражданской и этнической дихотомии, хотя и опирается на нее. Авторы выделяют категории национальных идентичностей и сравнивают, как эти категории распределены между разными национальными группами Украины. Предлагается типология идентичностей, которые могут иметь два измерения: степень идентификации с этнической группой (сильная или слабая) и отношение к другим этническим группам (толерантное или нетерпимое). Таким образом, возможны четыре вида идентичности со слабой идентификацией с этнической группой: 1) гражданская (толерантная); 2) атомизированная (нетерпимая), но с сильной этнической идентификацией; 3) гибридная (толерантная); 4) этническая (нетерпимая). Для гибридной идентичности характерно обладание инклюзивным отношением к другим социальным группам, но в то же время респонденты обладают сильной степенью идентификации со своей этнической группой. Люди с гибридной идентичностью продвигают политические цели своей группы, но принимают разнообразие общества и признают важность прав меньшинств [Hansen, Hesli 2009]. Результаты исследования показали, что гражданская идентичность очень различается у представителей разных этнических групп на Украине. Гражданская идентичность не является самой распространенной среди граждан Украины. Этническая идентификация характерна для украинцев, русских и татар. Атомизированной идентичностью обладают около половины респондентов – это наиболее распространенная идентичность среди всех этнических групп, кроме крымских татар. То есть населению Украины более присуща сильная этническая идентификация и нетерпимость к другим группам.

В настоящее время понятие «гибридная идентичность» недостаточно концептуализировано. Исследование динамики национальной идентичности Коростелиной [Korostelina 2013 a] указывает на связь украинской идентичности с советским прошлым, но не использует понятие «гибридность»: в исследованиях же после 2014 г. акторы применяют данное понятие более свободно. Оно используется исследователями как противопоставление «чистой» форме чего-либо: памяти, идентичности, политической системы.

Национальная идентичность как нарратив

Альтернативой дихотомии Кона является исследование национальной идентичности как нарратива. Данный подход принимает во внимание широкий круг акторов, влияющих на политический дискурс – журналистов, представителей академического круга, политиков и экспертов. Этот тип исследований использует качественные методы – полуструктурированные интервью, включенное наблюдение, анализ круглых столов и политических дискуссий, мониторинг телевизионных программ, данных библиотек и онлайн-ресурсов академических институтов и т.д. Исследователи предлагают типологии нарративов и анализируют их относительно их точек совпадения, оспариваемости и конфликтности [Korostelina 2013 b; Korostelina 2013 c; Korostelina 2014] и отношениями между нарративами – как тот или иной нарратив отображает разные интерпретации украинской национальной идентичности [Smoog 2017].

Исследования нарратива делают акцент на отсутствии единой национальной идентичности, национальной идеологии или понятия объединенной нации-государства [Korostelina 2013 c]. До 2013 г. Украина еще находилась под влиянием советского прошлого. Коростелина [Korostelina 2013 c] выделила четыре нарратива украинской национальной идентичности, которые поддерживались широким кругом интеллектуальной элиты: 1) Украина как государство без национальной идентичности; 2) страна, которая не закончила переходный период и деградирует; 3) разделенное общество; 4) Украина как колония. В 2014 г. было выявлено пять основных нарративов: 1) двойная идентичность; 2) просоветское отношение; 3) борьба за украинскую идентичность; 4) признание украинской идентичности; 5) мультикультурная-гражданская идентичность [Korostelina 2014]. Данные нарративы находились в конфликте друг с другом. После событий Евромайдана временное правительство исключило три нарратива из публичного дискурса, поддерживая только два – **борьба за украинскую идентичность и признание украинской идентичности**. Исключение других нарративов повлекло за собой недовольство юго-востока, а отсутствие в Украине общеприемлемой идентичности послужило источником оспаривания среди нарративов.

Образы и конструируемые идентичности играют важную роль в нарративах, которые используются для мобилизации поддержки разных позиций в конфликте [Smoor 2017]. Формирование гражданской идентичности в нарративах и возможность диалога между представителями разных нарративов может предотвратить конфликт [Korostelina 2013 b]. Исследования нарратива отличаются разнообразием классификаций национальной идентичности и привлекают внимание к множественности интерпретаций понятия «национальная идентичность».

Украинская идентичность как постколониальная

Исследования украинской идентичности, как постколониальной еще не представляют собой полностью сформированное направление. Существует необходимость дать оценку попыткам переосмысления постсоветской идентичности как постколониальной. Тем не менее представление о постколониальной природе идентичности Украины в научной литературе встречается давно¹. Например, Кузио [Kuzio 1996, p. 589] указывает влияние прошлого на идентичность регионов Украины, как исторически сложившуюся в составе разных империй. Идеи автора основываются на понятиях национализма и конструктивизма, и дихотомии Кона, но Украина рассматривается, как постколониальная – «превратилась из субъекта империи в независимое государство» [Kuzio 1996, с. 589]. Работы Кузио опираются на авторов, которые сравнивают десоветизацию с деколонизацией в западном мире [Kuzio 1996, Kuzio 2001, Kuzio 2002 a]. Кузио проводит аналогию между политикой России и Советского Союза по отношению к Украине с политикой Англии по отношению к Соединенному Королевству, называя это «внутренней колонизацией» [Kuzio 2002 b, p. 19]. Постколониальное прошлое объясняет использование языка, историографии, религии, экономических и социальных особенностей, а также оправдывает политику национального строительства, с помощью которой независимые государства желают удалить некоторое (или все) колониальное наследие [Kuzio 2002 a].

Исследование Рябчука [Riabchuk 2015] основывается на категоризации Шульмана [Shulman 2005] и понятиях этнической украинской и славянской идентичности. Эта работа сравнивает ситуацию украинского населения после 2014 г. с «креольским» населением в Латинской Америке. В исследовании Рябчука заметно влияние цивилизационной теории Хантингтона. Анализируя историю Украины как историю политики империй по отношению к населению,

1. Среди работ, которые относят идентичность Украины к постколониальной или постимперской категории, также следует упомянуть книгу Ильи Призеля «Национальная идентичность и внешняя политика» изданную в 1998 г. (англ.: Ilya Prizel «National identity and foreign policy»).

Рябчук рассматривает украинскую идентичность как постколониальную, с особенной силой проявившуюся после событий Евромайдана.

Политика памяти, символическая политика элит после 2013–2014 гг. и «законы декоммунизации» также рассматриваются в рамках «антиколониального национализма» [Törnquist-Plewa, Yurchuk 2019]. Анализируя политику памяти в Украине как постколониальное явление, авторы подчеркивают, что деколонизация в первую очередь была применена к образованию в постсоветский период. Авторы оценивают все трансформирующие события на Украине, такие как «оранжевая революция», Евромайдан и политика идентичности как постколониальное освобождение.

Образ Украины как колониальной страны наблюдается в эмпирических исследованиях. В нарративах учителей истории Россия является империей [Korostelina, 2013 d], в нарративах элит постсоветская Украина представлена, как колония олигархов [Korostelina 2013 c], а русский язык – это «бывший имперский язык» [Kulyk 2016 a, p. 103], который доминирует и маргинализирует украинский. Такие, тенденции в новейшей украинской литературе анализируются с позиции конструирования идентичности в постколониальной культуре [Chernetsky 2019]. Последнюю работу также можно рассматривать с позиции «банального национализма».

Альтернативные подходы

Национальная идентичность изучается через призму ежедневных практик. Основой такого рода исследований является подход «банального национализма», предложенный Фоксом и Миллером-Идриссом [Fox, Miller-Idriss 2008]. Авторы предложили четыре типа подходов для исследования формирования нации: символический перформанс, процесс национального принятия решений, использование языка и потребление национальных продуктов. В работе Селиверстовой [Siliverstova 2017] показано, что граждане не являются пассивными акторами, которые только принимают или отвергают проект национальной идентичности, конструируемую элитами, но и сами могут интерпретировать или пересмотреть ее посредством практики потребления национальных продуктов. Автор исследует процесс наполнения объектов новым смыслом. Для концептуализации понятия национальной идентичности используется теория структуризации Гидденса.

Исследование социально-политических отношений и идентичности населения в условиях войны требует использования более сложной концептуальной рамки. Митчник [Mitchnik 2019] комбинирует подход «теории практики» Бурдьё, «триаду» Брубейкера и концептуализацию банального национализма. Таким образом, в своей работе он объединяет подход исследований элит и масс, а также исследует национальную идентичность, как дискурсивный

конструкт. Это исследование показывает, что национализирующие политики государства воспринимаются более позитивно, когда интерпретируются населением как возникшие благодаря простым людям, а не как государственная политика, насажденная «сверху».

Бергер и Лукман [Berger, Luckman 1966, p. 194] предложили понятие идентичности как «сформированной социальными процессами». Идентичность поддерживается, изменяется и даже трансформируется с помощью социальных отношений. В свою очередь социальные процессы определены социальной структурой. Для исследования роли украинского языка в идентичности Максимовцова [Maksimovtsova 2017] освещает позицию русскоязычных граждан и показывает манипулирование языковым вопросом элитами. Используется ряд социологических теорий и понятий, таких как «теория социальных проблем», «мотивы языковых игр», «дискурсивные транснациональные онлайн комьюнити», «подход к социологии знания». Социальная проблема является риторическим конструктом, а не объективной реальностью, которая переплетается с понятиями равенства и справедливости. Для ее исследования используется анализ риторических стратегий и паттернов аргументации. В них украинский язык является маркером украинской идентичности, а также тесно связан с понятием национального интереса и условием сохранения суверенитета. К тому же подразумевается связь с европейской интеграцией: украинский – значит европейский. Две проблемы, которые артикулируются и оспариваются – это дискриминация русскоязычного населения в образовании и конструирование «экзистенциальной угрозы» украинскому языку.

Заключение

Ответ на вопрос, какая идентичность сформировалась на Украине и каким образом она изменяется, лежит в нескольких плоскостях. Многие авторы берут за основу дихотомию гражданской и этнической идентичности. Однако после 2014 г. все чаще используется понятие «гибридность» и «постколониальный подход» относительно природы изменений идентичности Украины. Пока нет однозначного ответа на вопрос, в какой мере многочисленные факторы влияют на изменение той или иной идентичности и при каких условиях национальная идентичность становится ярко выраженной.

Исследования, основанные на опросах населения, сталкиваются с проблемой доступа к исследуемой группе в условиях конфликта. Социологические опросы не включают неподконтрольные территории в свою выборку после 2014 г. Таким образом, возникает необходимость в применении альтернативных методов и подходов.

Роль языка в обществе может изучаться не только как основа самоопределения с этнической группой или политическими взглядами. Если идентичность формируется социальными связями, то следует уделить больше внимания тому, каким образом владение / использование определенного языка влияет на социальное, классовое или политическое положение в обществе для индивидуумов и групп. Исследования по языковому вопросу также не освещают роли, которую играют другие этнические меньшинства в национальной идентичности Украины. Исследования фокусируют внимание на противопоставлении русского и украинского языков и соответственных этнических групп. Опросы предполагают самоидентификацию родного языка и этнической группы, однако исследователи не показывают, какие факторы и причины влияют на самоидентификацию.

Понятие «гибридная идентичность» требует концептуализации, как и выявление причин по которым население с гибридной идентичностью предпочитает связи с Россией. Отличается ли понятие «гибридная идентичность» от «смешанной», которая используется в межкультурных исследованиях? Как предполагает Джулиано [Giuliano 2018], кроме исследования этничности и внешнеполитических предпочтений следует включить другие факторы, такие как экономические. Возможно, поддержку связей с Россией можно объяснить экономическим интересом, а не только принадлежностью к этнической группе. Тем не менее в данный момент основное внимание исследователей обращено на этнические, языковые и региональные расколы.

Исследования идентичности как нарратива сосредоточены на множественности и дискурсивном противоборстве значений, придаваемых национальной идентичности. Исследователи подчеркивают связь между взаимоисключающими нарративами и социальным конфликтом.

Что касается направления исследований в постколониальном ключе, то в исследованиях по украинской идентичности нет серьезного обсуждения литературы по колониальной идентичности, применимого к постсоветскому пространству. Каким образом процесс деколонизации постсоветского пространства отличается от других стран? Порождает ли дискурс о «колониализме» проблему формирования внутренних «других»? Как они сконструированы и как это влияет на представления о национальной идентичности Украины? Таким образом, стоит вопрос об уместности исследования идентичности Украины через призму постколониальных процессов. Необходимо определить критерии, по которым украинская идентичность относится к постколониальным, осуществить эмпирические исследования, в том числе сравнительные, и уточнить место понятия «постколониальное общество» в системе нарративов и практик, которые конструируют национальную идентичность Украины.

В связи с трансформацией украинского общества после 2014 г. возросли возможности исследований в рамках подхода «банального национализма» –

таких, как изучение отношения украинцев к новым национальным символам и формирование новых социальных практик. В связи с этим важно более активно использовать научную литературу на украинском языке.

Библиография

- Barrington L.W., Herron E.S. One Ukraine or many? Regionalism in Ukraine and its political consequences // *Nationalities Papers*. 2004. Vol. 32. N 1. P. 53–86. URL: <https://doi.org/10.1080/0090599042000186179> (дата обращения: 15.06.2020).
- Berger P., Luckmann P. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. NY: Anchor Books, 1966. P. 219.
- Bureiko N., Moga L.T. The Ukrainian – Russian linguistic dyad and its impact on national identity in Ukraine // *Europe-Asia Studies*. 2019. Vol. 71. N 1. P. 137–155. URL: <https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1549653> (дата обращения: 08.08.2020).
- Charnysh V. Analysis of Current Events: Identity Mobilization in Hybrid Regimes: Language in Ukrainian Politics // *Nationalities Papers*. 2013. Vol. 41. N 1. P. 1–14. URL: <https://doi.org/10.1080/00905992.2012.750288> (дата обращения: 16.07.2020).
- Chernetsky V. Sofiia Andrukhovych's Felix Austria: The Postcolonial Neo-Gothic and Ukraine's Search for Itself // *Canadian Slavonic Papers*. 2019. Vol. 61. N 4. P. 386–398. URL: <https://doi.org/10.1080/00085006.2019.1668337> (дата обращения: 07.08.2020).
- Cleary L. Half Measures and Incomplete Reforms: The Breeding Ground for a Hybrid Civil Society in Ukraine // *Journal of Southeast European and Black Sea*. 2016. Vol. 16. N 1. P. 7–23. URL: <https://doi.org/10.1080/14683857.2016.1148410> (дата обращения: 07.08.2020).
- Fedinec C., Csernicsko I. Language policy and national feeling in context Ukraine's Euromaidan, 2014–2016 // *Central European Papers*. 2017. Vol. 1. P. 81–100. URL: https://www.slu.cz/fvp/cz/webser/archiv-casopisu/2017-vol-5-no.1/csilla_fedinec_language-policy/ (дата обращения: 13.08.2020).
- Fillippova O. Politics of Identity through School Primers: Discursive Construction of Legitimate Image of State, Nation and Society in Soviet and Independent Ukraine // *Anthropology of East Europe Review*. 2009. Vol. 27. N 1. P. 29–36. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.961.2687&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 13.08.2020).
- Fox J.E., Miller-Idriss C. Everyday Nationhood // *Ethnicities* 2008. Vol. 8. N 4. P. 536–563. URL: <https://doi.org/10.1177/1468796808088925> (дата обращения: 13.08.2020).
- Friedman D.A. Our language: (re)imagining communities in Ukrainian language classrooms // *Journal of Language, Identity and Education*. 2016. Vol. 15. N 3. P. 165–179. URL: <https://doi.org/10.1080/15348458.2016.1166432> (дата обращения: 09.08.2020).
- Giuliano E. Who Supported Separatism in Donbas? Ethnicity and Popular Opinion at the Start of the Ukraine Crisis // *Post-Soviet Affairs*. 2018. Vol. 34. N 2–3. P. 158–178. URL: <https://doi.org/10.1080/1060586X.2018.1447769> (дата обращения: 07.08.2020).
- Hansen H.E., Hesli V.L. National Identity: Civic, Ethnic, Hybrid, and Atomised Individuals // *Europe – Asia Studies*. 2009. Vol. 61. N 1. P. 1–28. URL: <https://doi.org/10.1080/09668130802532894> (дата обращения: 09.08.2020).
- Haran O., Yakovlyev M., Zolkina M. Identity, War, and Peace: Public Attitudes in the Ukraine-Controlled Donbas // *Eurasian Geography and Economics*. 2019. Vol. 60. N 6. P. 684–708. URL: <https://doi.org/10.1080/15387216.2019.1667845> (дата обращения: 07.08.2020).
- Hosaka S. Hybrid Historical Memories in Post-Euromaidan Ukraine. // *Europe – Asia Studies*. 2019. Vol. 71. N 4. P. 551–578. URL: <https://doi.org/10.1080/09668136.2019.1578863> (дата обращения: 08.08.2020).

Janmaat J.G. The ethnic 'Other' in Ukrainian history textbooks: the case of Russia and the Russians // *Compare: A Journal of Comparative and International Education*. 2007. Vol. 37. N 3. P. 307–324. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/03057920701330180> (дата обращения: 07.08.2020).

Kohn H. *The Idea of Nationalism: A Study in Its Origins and Background*. N.Y.: Macmillan, 1944. 735 p.

Korostelina K. Constructing nation: national narratives of history teachers in Ukraine // *National Identities*. 2013 c. Vol. 15. N 4. P. 401–416. URL: <https://doi.org/10.1080/14608944.2013.843515> (дата обращения: 13.08.2020).

Korostelina K.V. Identity and power in Ukraine // *Journal of Eurasian Studies*. 2013 a. Vol. 4. N 1. P. 34–46. URL: <https://doi.org/10.1016/J.EURAS.2012.10.002> (дата обращения: 10.08.2020).

Korostelina K.V. Shaping unpredictable past: national identity and history education in Ukraine // *National Identities*. 2011. Vol. 13. P. 1–16. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14608944.2010.508817> (дата обращения: 10.08.2020).

Korostelina K.V. Mapping national identity narratives in Ukraine // *Nationalities Papers*. 2013 b. Vol. 41. N 2. P. 293–315. URL: <https://doi.org/10.1080/00905992.2012.747498> (дата обращения: 10.08.2020).

Korostelina K.V. Conflict of National Narratives of Ukraine Euromaidan and Beyond // *Die Friedens-Warte*. 2014. Vol. 89. N 1/2. P. 269–290. URL: <https://www.jstor.org/stable/24868496?seq=1> (дата обращения: 10.08.2020).

Korostelina K. 2013 d. Constructing Nation: National Narratives of History Teachers in Ukraine // *National Identities*. Vol. 15. N 4. P. 401–416. URL: <https://doi.org/10.1080/14608944.2013.843515> (дата обращения: 10.08.2020).

Koshmanova T. National Identity and Cultural Coherence in Educational Reform for Democratic Citizenship. The Case of Ukraine // *Education, Citizenship and Social Justice*. 2006. Vol. 1. N 1. P. 105–118. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1746197906060716> (дата обращения: 10.08.2020).

Kulyk V. Language and identity in Ukraine after Euromaidan // *Thesis Eleven*. 2016. Vol. 136. N 1. P. 90–106. URL: <https://doi.org/10.1177/0725513616668621> (дата обращения: 10.08.2020).

Kuzio T. National Identity in Independent Ukraine: An Identity in Transition // *Nationalism and Ethnic Politics*. 1996. Vol. 2. N 4. P. 582–608. URL: <https://doi.org/10.1080/13537119608428487> (дата обращения: 11.08.2020).

Kuzio T. 2001. Identity and Nation-Building in Ukraine: Defining the 'other' // *Ethnicities*. Vol. 1. N 3. P. 343–365. URL: <https://doi.org/10.1177/146879680100100304> (дата обращения: 11.08.2020).

Kuzio T. 2002 a. Nationalism in Ukraine: Towards a New Theoretical and Comparative Framework // *Journal of Political Ideologies*. Vol. 7. N 2. P. 133–161. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13569310220137511> (дата обращения: 15.08.2020).

Kuzio T. *Ukraine and Nation-Building*. 2nd ed. New York: Taylor& Francis e-Library, 2002 b. 298 p.

Larsen C.A. Revitalizing the 'Civic' and 'Ethnic' Distinction. Perceptions of Nationhood across Two Dimensions, 44 Countries and Two Decades // *Nations and Nationalism*. 2017. Vol. 23. N 4. P. 970–993. URL: <https://doi.org/10.1111/nana.12345> (дата обращения: 15.08.2020).

Maksimovtsova K. Language Policy in Education in Contemporary Ukraine: A Continuous Discussion of Contested National Identity // *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*. 2017. Vol. 16. N 3. P. 1–25.

Mitchnik I. Making Donbas, Breaking Donbas: The Impact of Conflict Experience on Identity Shifts in the East of Ukraine // *Ethnopolitics*. 2019. Vol. 18. N 4. P. 423–443. URL: <https://doi.org/10.1080/17449057.2019.1613059> (дата обращения: 15.08.2020).

Peacock E.A. National identity and language: class differences among youth in Western Ukraine // *Global Studies in Childhood*. 2015. Vol. 5. N 1. P. 59–73. URL: <https://doi.org/10.1177/2043610615573380> (дата обращения: 08.08.2020).

Pirie P.S. National Identity and Politics in Southern and Eastern Ukraine // *Europe-Asia Studies*. 1996. Vol. 48. N 7. P. 1079–1104. URL: <https://www.jstor.org/stable/153099?seq=1> (дата обращения: 08.08.2020).

Pohorila N. Political and National Identity in Ukraine's Regions: Where Does the Center Fit? // *Polish Political Science Review*. 2016. Vol. 4. N 1. P. 18–32. URL: <https://sciendo.com/article/10.1515/ppsr-2015-0033> (дата обращения: 08.08.2020).

Popson N. The Ukrainian history textbook: introducing children to the «Ukrainian nation» // *Nationalities Papers*. 2001. Vol. 29. N. 2. P. 325–350. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/nationalities-papers/article/abs/ukrainian-history-textbook-introducing-children-to-the-ukrainian-nation/84CF47178227E972D3F031AB807C3A1D> (дата обращения: 08.08.2020).

Riabchuk M. «Two Ukraines» Reconsidered: The End of Ukrainian Ambivalence? // *Studies in Ethnicity and Nationalism*. 2015. Vol. 15. N 1. P. 138–156. URL: <https://doi.org/10.1111/sena.12120> (дата обращения: 08.08.2020).

Rodgers P.W. (Re)inventing the past: the politics of 'national' history in the Ukrainian classroom // *Studies in Ethnicity and Nationalism*. 2008. Vol. 6. N. 2. P. 40–55. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1754-9469.2006.tb00148.x> (дата обращения: 08.08.2020).

Seliverstova O. 'Consuming' National Identity in Western Ukraine // *Nationalities Papers*. 2017. Vol. 45. N 1. P. 61–79. <https://doi.org/10.1080/00905992.2016.1220363> (дата обращения: 09.08.2020).

Shulman S. National integration and foreign policy in multiethnic states // *Nationalism and Ethnic Politics*. 1998. Vol. 4. N 4. P. 110–132. URL: <https://doi.org/doi.org/10.1080/13537119808428548> (дата обращения: 09.08.2020).

Smoor L. Understanding the Narratives Explaining the Ukrainian Crisis: Identity Divisions and Complex Diversity in Ukraine // *Acta Universitatis Sapientiae, European and Regional Studies*. 2017. Vol. 11. N 1. URL: <https://doi.org/10.1515/auseur-2017-0004> (дата обращения: 09.08.2020).

Törnquist-Plewa B., Yurchuk Y. Memory Politics in Contemporary Ukraine: Reflections from the Postcolonial Perspective // *Memory Studies*. 2019. Vol. 12. N 6. P. 699–720. URL: <https://doi.org/10.1177/1750698017727806> (дата обращения: 10.08.2020).

Zhurzhenko, T. A Divided Nation? Reconsidering the Role of Identity Politics in the Ukraine Crisis // *Die Friedens-Warte*. 2014. Vol. 89. N 1/2. P. 249–267. URL: https://www.academia.edu/13764936/A_Divided_Nation_Reconsidering_the_Role_of_Identity_Politics_in_the_Ukraine_Crisis (дата обращения: 09.08.2020).

References

Barrington L.W., Herron E.S. One Ukraine or many? Regionalism in Ukraine and its political consequences // *Nationalities Papers*. 2004. Vol. 32. N 1. P. 53–86. URL: <https://doi.org/10.1080/0090599042000186179> (date of access: 15.06.2020).

Berger P., Luckmann P. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. NY: Anchor Books, 1966. P. 219.

Bureiko N., Moga L.T. The Ukrainian – Russian linguistic dyad and its impact on national identity in Ukraine // *Europe-Asia Studies*. 2019. Vol. 71. N 1. P. 137–155. URL: <https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1549653> (date of access: 08.08.2020).

Charnysh V. Analysis of Current Events: Identity Mobilization in Hybrid Regimes: Language in Ukrainian Politics // *Nationalities Papers*. 2013. Vol. 41. N 1. P. 1–14. URL: <https://doi.org/10.1080/00905992.2012.750288> (date of access: 16.07.2020).

Chernetsky V. Sofia Andrukhovych's Felix Austria: The Postcolonial Neo-Gothic and Ukraine's Search for Itself // *Canadian Slavonic Papers*. 2019. Vol. 61. N 4. P. 386–398. URL: <https://doi.org/10.1080/00085006.2019.1668337> (date of access: 07.08.2020).

Cleary L. Half Measures and Incomplete Reforms: The Breeding Ground for a Hybrid Civil Society in Ukraine // *Journal of Southeast European and Black Sea*. 2016. Vol. 16. N 1. P. 7–23. URL: <https://doi.org/10.1080/14683857.2016.1148410> (date of access: 07.08.2020).

Fedinec C., Csernicisko I. Language policy and national feeling in context Ukraine's Euro-maidan, 2014–2016 // *Central European Papers*. 2017. Vol. 1. P. 81–100. URL: https://www.slu.cz/fvp/cz/web-cep/archiv-casopisu/2017-vol-5-no.1/csilla_fedinec_language-policy/ (date of access: 13.08.2020).

Fillippova O. Politics of Identity through School Primers: Discursive Construction of Legitimate Image of State, Nation and Society in Soviet and Independent Ukraine // *Anthropology of East Europe Review*. 2009. Vol. 27 N 1. P. 29–36. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.961.2687&rep=rep1&type=pdf> (date of access: 13.08.2020).

Fox J.E., Miller-Idriss C. Everyday Nationhood // *Ethnicities* 2008. Vol. 8. N 4. P. 536–563. URL: <https://doi.org/10.1177/1468796808088925> (date of access: 13.08.2020).

Friedman D.A. Our language: (re)imagining communities in Ukrainian language classrooms // *Journal of Language, Identity and Education*. 2016. Vol. 15. N 3. P. 165–179. URL: <https://doi.org/10.1080/15348458.2016.1166432> (date of access: 09.08.2020).

Giuliano E. Who Supported Separatism in Donbas? Ethnicity and Popular Opinion at the Start of the Ukraine Crisis // *Post-Soviet Affairs*. 2018. Vol. 34. N 2–3. P. 158–178. URL: <https://doi.org/10.1080/1060586X.2018.1447769> (date of access: 07.08.2020).

Hansen H.E., Hesli V.L. National Identity: Civic, Ethnic, Hybrid, and Atomised Individuals // *Europe – Asia Studies*. 2009. Vol. 61. N 1. P. 1–28. URL: <https://doi.org/10.1080/09668130802532894> (date of access: 09.08.2020).

Haran O., Yakovlyev M., Zolkina M. Identity, War, and Peace: Public Attitudes in the Ukraine-Controlled Donbas // *Eurasian Geography and Economics*. 2019. Vol. 60. N 6. P. 684–708. URL: <https://doi.org/10.1080/15387216.2019.1667845> (date of access: 07.08.2020).

Hosaka, S. Hybrid Historical Memories in Post-Euromaidan Ukraine // *Europe–Asia Studies*. 2019. Vol. 71 N 4. P. 551–578. URL: <https://doi.org/10.1080/09668136.2019.1578863> (date of access: 08.08.2020).

Janmaat J.G. The ethnic ‘Other’ in Ukrainian history textbooks: the case of Russia and the Russians // *Compare: A Journal of Comparative and International Education*. 2007. Vol. 37. N 3. P. 307–324. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/03057920701330180> (date of access: 07.08.2020).

Kohn H. *The Idea of Nationalism: A Study in Its Origins and Background*. N.Y.: Macmillan, 1944. 735 p.

Korostelina K. Constructing nation: national narratives of history teachers in Ukraine // *National Identities*. 2013 c. Vol. 15. N 4. P. 401–416. URL: <https://doi.org/10.1080/14608944.2013.843515> (date of access: 13.08.2020).

Korostelina K.V. Identity and power in Ukraine // *Journal of Eurasian Studies*. 2013 a. Vol. 4. N 1. P. 34–46. URL: <https://doi.org/10.1016/J.EURAS.2012.10.002> (date of access: 10.08.2020).

Korostelina K.V. Shaping unpredictable past: national identity and history education in Ukraine // *National Identities*. 2011. Vol. 13. P. 1–16. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14608944.2010.508817> (date of access: 10.08.2020).

Korostelina K.V. Mapping national identity narratives in Ukraine // *Nationalities Papers*. 2013 b. Vol. 41. N 2. P. 293–315. URL: <https://doi.org/10.1080/00905992.2012.747498> (date of access: 10.08.2020).

Korostelina K.V. Conflict of National Narratives of Ukraine Euromaidan and Beyond // *Die Friedens-Warte*. 2014. Vol. 89. N 1/2. P. 269–290. URL: <https://www.jstor.org/stable/24868496?seq=1> (date of access: 10.08.2020).

Korostelina K. 2013 d. Constructing Nation: National Narratives of History Teachers in Ukraine // *National Identities*. Vol. 15 N 4. P. 401–416. URL: <https://doi.org/10.1080/14608944.2013.843515> (date of access: 10.08.2020).

Koshmanova T. National Identity and Cultural Coherence in Educational Reform for Democratic Citizenship. The Case of Ukraine // *Education, Citizenship and Social Justice*. 2006. Vol. 1. N 1. P. 105–118. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1746197906060716> (date of access: 10.08.2020).

Kulyk V. Language and identity in Ukraine after Euromaidan // *Thesis Eleven*. 2016. Vol. 136. N 1. P. 90–106. URL: <https://doi.org/10.1177/0725513616668621> (date of access: 10.08.2020).

Kuzio T. National Identity in Independent Ukraine: An Identity in Transition // *Nationalism and Ethnic Politics*. 1996. Vol. 2. N 4. P. 582–608. URL: <https://doi.org/10.1080/13537119608428487> (date of access: 11.08.2020).

Kuzio T. 2001. Identity and Nation-Building in Ukraine: Defining the ‘other’ // *Ethnicities*. Vol. 1. N 3. P. 343–365. URL: <https://doi.org/10.1177/146879680100100304> (date of access: 11.08.2020).

Kuzio T. 2002 a. Nationalism in Ukraine: Towards a New Theoretical and Comparative Framework // *Journal of Political Ideologies*. Vol. 7. N 2. P. 133–161. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13569310220137511> (date of access: 15.08.2020).

Kuzio T. *Ukraine and Nation-Building*. 2 nd ed. New York: Taylor & Francis e-Library, 2002 b. 298 p.

Larsen C.A. Revitalizing the ‘Civic’ and ‘Ethnic’ Distinction. Perceptions of Nationhood across Two Dimensions, 44 Countries and Two Decades // *Nations and Nationalism*. 2017. Vol. 23. N 4. P. 970–993. URL: <https://doi.org/10.1111/nana.12345> (date of access: 15.08.2020).

Maksimovtsova, K. Language Policy in Education in Contemporary Ukraine: A Continuous Discussion of Contested National Identity // *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*. 2017. Vol. 16. N 3. P. 1–25.

Mitchnik I. Making Donbas, Breaking Donbas: The Impact of Conflict Experience on Identity Shifts in the East of Ukraine // *Ethnopolitics*. 2019. Vol. 18. N 4. P. 423–443. URL: <https://doi.org/10.1080/17449057.2019.1613059> (date of access: 15.08.2020).

Peacock E.A. National identity and language: class differences among youth in Western Ukraine // *Global Studies in Childhood*. 2015. Vol. 5. N 1. P. 59–73. URL: <https://doi.org/10.1177/2043610615573380> (date of access: 08.08.2020).

Pirie P.S. National Identity and Politics in Southern and Eastern Ukraine // *Europe-Asia Studies*. 1996. Vol. 48. N 7. P. 1079–1104. URL: <https://www.jstor.org/stable/153099?seq=1> (date of access: 08.08.2020).

Pohorila N. Political and National Identity in Ukraine’s Regions: Where Does the Center Fit? // *Polish Political Science Review*. 2016. Vol. 4. N 1. P. 18–32. URL: <https://sciendo.com/article/10.1515/ppsr-2015-0033> (date of access: 08.08.2020).

Popson N. The Ukrainian history textbook: introducing children to the «Ukrainian nation» // *Nationalities Papers*. 2001. Vol. 29. N 2. P. 325–350. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/nationalities-papers/article/abs/ukrainian-history-textbook-introducing-children-to-the-ukrainian-nation/84CF47178227E972D3F031AB807C3A1D> (date of access: 08.08.2020).

Riabchuk M. ‘Two Ukraines’ Reconsidered: The End of Ukrainian Ambivalence? // *Studies in Ethnicity and Nationalism*. 2015. Vol. 15. N 1. P. 138–156. URL: <https://doi.org/10.1111/sena.12120> (date of access: 08.08.2020).

Rodgers P.W. (Re)inventing the past: the politics of 'national' history in the Ukrainian classroom // *Studies in Ethnicity and Nationalism*. 2008. Vol. 6. N 2. P. 40–55. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1754-9469.2006.tb00148.x> (date of access: 08.08.2020).

Seliverstova O. 'Consuming' National Identity in Western Ukraine // *Nationalities Papers*. 2017. Vol. 45. N 1. P. 61–79. <https://doi.org/10.1080/00905992.2016.1220363> (date of access: 09.08.2020).

Shulman S. National integration and foreign policy in multiethnic states // *Nationalism and Ethnic Politics*. 1998. Vol. 4. N 4. P. 110–132. URL: <https://doi.org/10.1080/13537119808428548> (date of access: 09.08.2020).

Smoor L. Understanding the Narratives Explaining the Ukrainian Crisis: Identity Divisions and Complex Diversity in Ukraine // *Acta Universitatis Sapientiae, European and Regional Studies*. 2017. Vol. 11. N 1. URL: <https://doi.org/10.1515/auseur-2017-0004> (date of access: 09.08.2020).

Törnquist-Plewa, B., Yurchuk Y. Memory Politics in Contemporary Ukraine: Reflections from the Postcolonial Perspective // *Memory Studies*. 2019. Vol. 12. N 6. P. 699–720. URL: <https://doi.org/10.1177/1750698017727806> (date of access: 10.08.2020).

Zhurzhenko, T. A Divided Nation? Reconsidering the Role of Identity Politics in the Ukraine Crisis // *Die Friedens-Warte*. 2014. Vol. 89. N 1/2. P. 249–267. URL: https://www.academia.edu/13764936/A_Divided_Nation_Reconsidering_the_Role_of_Identity_Politics_in_the_Ukraine_Crisis (date of access: 09.08.2020).